

ОРЛОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМЫЙ.

15-го Іюня № 12. 1891 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшія повелѣнія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Въ ознаменованіе посѣщенія Сибири Любезнѣйшимъ Сыномъ Нашимъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ, желая явить милость Нашу тѣмъ изъ отбывающихъ нынѣ въ Сибири наказанія, въ силу судебныхъ приговоровъ, ссыльныхъ, кои, по день пребытія Его Императорскаго Высочества въ предѣлы Сибири, распредѣлены въ установленномъ порядкѣ къ мѣстамъ причисленія и работъ, Повелѣваемъ:

1. Ссылно-каторжнымъ, которые добрымъ поведениемъ и прилежаніемъ къ труду окажутся достойными снисхожденія, уменьшать назначенные судомъ сроки каторги до двухъ третей, безсрочную же каторгу замѣнять срочною на двадцать лѣтъ.

2. Осужденныхъ за преступленія, содѣянные въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ каторжныя работы на сроки менѣе четырехъ лѣтъ, нынѣ же перечислить въ разрядъ ссылно-поселенцевъ.

3. Состоящимъ на поселеніи, а равно и имѣющимъ быть переведенными на поселеніе изъ отбываемыхъ ими нынѣ каторжныхъ работъ, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и приобрѣли осѣдлость, сокращать назначенный закономъ для перечисленія ссылно-поселенцевъ въ крестьяне десятилѣтній срокъ, а по истеченіи десяти лѣтъ со времени приобретенія ими своимъ поведениемъ права на перечисленіе въ крестьяне разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и признаніемъ ихъ, взаменъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 улож. о наказ. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

4. Сосланнымъ на житье въ Сибирь, по истеченіи пятнадцати лѣтъ со дня вступленія состоявшихся о нихъ приговоровъ въ законную силу, дозволить свободное избраніе мѣстожительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній и безъ возстановленія въ прежнихъ ихъ правахъ.

5. Ссылнымъ, коихъ преступныя дѣянія совершены до 15 мая 1883 года и коимъ дарованы уже Высочай-

шимъ Маг
наго Коро
1, 3 и 4
слѣдующія

а) сс
одинъ годъ

б) сс
речисленіе

родскимъ
гласія си.

предѣлы I
порядкѣ, I

-срѣв) Со
освобожденіе

нифеста, в
нія „изъ

сти и кра
6. Со

случаѣ об
сего мѣст

прещеніем
Нашего I

ніяхъ. Прим

1, 3 и 5

Министру
Иркутском

ромъ пов
ссылкѣ.

О мо
правиль
мѣста имѣ

брымъ поведе-
стойными сни-
ть сроки катор-

оргу замѣнять
дѣянные въ не-
ныя работы на
перечислить въ
и имѣющимъ
бываемыхъ ими
женіе четырехъ
занимались по-
сокращать наз-

льно-поселен-
и по истеченіи
своимъ пове-
не разрѣшать
мъ столицъ и
ать лѣтъ подь
ь, взаимнѣ ли-
ю ст. 43 улож.
остоянію при-

по истеченіи
зшихся о нихъ
свободное из-
толицъ и сто-
и въ столицъ
прежнихъ ихъ
Височайше
пя совершены
уже Височай-

шимъ Манифестомъ, обнаруженнымъ въ день Священ-
наго Коронованія Нашего, милости, означенныя въ статьяхъ
1, 3 и 4 настоящаго указа, предоставить сверхъ того
слѣдующія льготы:

а) ссыльно-каторжнымъ сокращать срокъ работъ на
одинъ годъ;

б) ссыльно-поселенцамъ, пріобрѣвшимъ право на пе-
речисленіе въ крестьяне, позволять приписываться къ го-
родскимъ мѣщанскимъ обществамъ Сибири, въ случаѣ со-
гласія сихъ послѣднихъ, безъ права однако выѣзда въ
предѣлы Европейской Россіи до разрѣшенія имъ сего въ
порядкѣ, определенномъ упомянутымъ Манифестомъ, — и
сосланнымъ на житье въ сибирскія губерніи, по
освобожденіи ихъ отъ ссылки въ силу означеннаго Ма-
нифеста, разрѣшать выдачу паспортовъ безъ наименова-
нія „изъ ссыльныхъ“, а равно безъ отмытокъ о судимо-
сти и красныхъ литеръ о лишеніи правъ.

6. Сосланныхъ на водвореніе за бродяжество, въ
случаѣ обнаруженія ими своего званія, по удостовѣреніи
сего мѣстнымъ судомъ, освободить отъ ссылки, съ вос-
прещеніемъ осужденнымъ послѣ Священнаго Коронованія
Нашего проживать въ столицахъ и столичныхъ губер-
ніяхъ.

Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ статьяхъ
1, 3 и 5 сего указа, предоставляемъ, по принадлежности,
Министру Внутреннихъ Дѣлъ и генераль-губернаторамъ
Иркутскому и Приамурскому, по удостовѣреніи въ доб-
ромъ поведеніи осужденныхъ во время пребыванія въ
ссылкѣ.

О могущихъ возникнуть относительно примѣненія
правиль сего указа сомнѣніяхъ, всѣ правительственныя
мѣста имѣютъ входить съ представленіями въ Правитель-

ствующій Сенатъ, который въ случаяхъ, превышающихъ его власть, испрашиваетъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Гатчинѣ
17-го апрѣля 1891 года.

Министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, что Государь Императоръ Высочайше изволилъ повелѣть: именовать Его Императорское Высочество Великаго Князя Николая Николаевича безъ прибавленія слова „Младшій“.

Объ освобожденіи отъ гербоваго сбора бумагъ по дѣламъ объ опредѣленіи на учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, объ освобожденіи отъ гербоваго сбора бумагъ по дѣламъ объ опредѣленіи на учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ, Высочайше въ 15-й день апрѣля 1891 года утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственной Экономіи и Законовъ и въ

Общемъ

Финансовъ

по дѣламъ

ковно-при

Пун

зак., т. V

По

на мѣста

какъ дух

мѣста въ

дѣламъ о

всѣхъ въ

Госу

Всемило

дена Св.

ховной С

сецкаго.

Госу

Синодаль

Орловска

соизволил

серебряно

шенію на

при Алек

дорожном

Ивана X

домству.

ВТОНЖЛО

Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ объ освобожденіи отъ гербоваго сбора бумагъ по дѣламъ объ опредѣленіи на учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ, *миѣнемъ положила*:

Пунктъ 4 статьи 45 устава о гербовомъ сборѣ (свод. зак., т. V, изд. 1886 г.) изложилъ слѣдующимъ образомъ:

По дѣламъ объ опредѣленіи лицъ духовнаго званія на мѣста священно и церковно-служительскія и лицъ, какъ духовнаго, такъ и другихъ званій, на учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ, а равно по дѣламъ о построеніи храмовъ и молитвенныхъ домовъ *всѣхъ вѣроисповѣданій*.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ въ 15 день мая сего 1891 года Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать кавалеромъ ордена Св. Владимира 4 ст. Преподавателя Орловской Духовной Семинаріи, Статскаго Совѣтника Гавріила Пясецкаго.

Государь Императоръ, по вседланнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, вѣдѣствіе ходатайства Орловскаго Епархіальнаго Начальства, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 29 день марта 1891 года, на награжденіе *серебряною медалію съ надписью „за усердіе“* для пошению на шеѣ на Станиславской лентѣ старосты церкви при Александровскомъ Елецкомъ Техническомъ желѣзнодорожномъ училищѣ, 2-й гильдіи купца г. Нижнедѣвicka Ивана Хокольскаго за его заслуги по духовному вѣдомству.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго
Правительствующаго Синода,

Преосвященному Мисайлу, Епископу Орловскому и
Сѣвскому, отъ 25 мая сего 1891 года за № 3070.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕ-
СТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали
представленія Преосвященныхъ Епархіальныхъ Архіе-
реевъ и Вашего Преосвященства о награжденіи духов-
ныхъ лицъ за заслуги по духовному вѣдомству. Прика-
зали: Сужденіе о награжденіи настоятеля Карачевского
Николаевского Одрина монастыря, игумена *Теодосія*, каз-
начей Болховскаго Троицкаго Оптина монастыря, іеро-
монаха *Израиля*, г. Орла, Христорожественской цер-
кви, священника Николая *Максимова*, и г. Орла, Кре-
стовоздвиженской церкви, священника *Георгія Славскаго*
отложить до будущаго года, поручивъ Вашему Преосвя-
щенству представить названныхъ четырехъ лицъ къ наг-
радамъ въ 1892 г., въ общеустановленный для сего срокъ,
если по послѣдующей службѣ этихъ священнослужите-
лей не встрѣтится къ тому какихъ либо препятствій; для
чего и послать Вашему Преосвященству указъ.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ.

На указъ семь резолюція Его Преосвященства по-
слѣдовала такая: „Напечатать въ Орловскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостяхъ, принявъ къ свѣдѣнію“.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Благочинный церковей г. Ельца, священникъ *Петръ*
Шеховцевъ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности

благочинн
Преосвя
годарност
занностей
благочинн
несенскаг

прошен
Слѣд
ка Ливен
Собора И
должност
путатамъ
церкви О

Жанн
систики
прошенію

Стол
Коллежк
іюня увол

Опре
ства, отъ

порту На
монастыр
перть при
ному Стр
скаго Пр

ЕДИЧЕСТВА,
зь Святѣйшаго
Орловскому и
№ 3070.

ГО ВЕЛИЧЕ-
мнодь слушали
льныхъ архіе-
аждени духов-
омству. Прика-
и Карачевского
а *Теодосія*, каз-
настыря, іеро-
ственской цер-
г. Орла, Кре-
эргія *Славскаго*
шему Преосвя-
къ лицъ къ наг-
для сего, срокъ,
пеннослужите-
препятствій; для
указъ.

исомъ.
вншества по-
ихъ Епархіаль-
чальства.
ценникъ *Петръ*
отъ должности

благочиннаго, при чемъ Архипастырскою резолюціею Его Преосвященства объявлена ему признательность и благодарность за добросовѣстное и усердное исполненіе обязанностей по должности благочиннаго, — а на мѣсто его благочиннымъ церковей г. Ельца назначенъ Елецкаго Вознесенскаго Собора, Протоіерей Гаврииль Селиховъ,

Слѣдственный депутатъ 1-го благочинческаго участка Ливенскаго уѣзда, священникъ Ливенскаго Троицкаго Собора Илья Поповъ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности депутата, а на его мѣсто слѣдственнымъ депутатомъ назначенъ священникъ Казанской, г. Ливень, церкви *Теодоръ Пясецкій*.

Жанцелярскій чиновникъ Орловской Духовной Консistorии, коллежскій секретарь Матвѣй Красинъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы въ Консistorіи.

Столоначальникъ Орловской Духовной Консistorии Коллежскій ассесоръ Иванъ Ильинскій съ 11-го сего іюня уволенъ въ отпускъ на 28 дней.

Опредѣленіемъ Орловскаго Епархіальнаго Начальства, отъ $\frac{4}{6}$ сего іюня за № 292, состоявшимся по рапорту Настоятельницы Орловскаго Введенскаго женскаго монастыря, Игуменіи Антоніи, разрѣшено устроить паперть при Троицкой монастырской церкви, по утвержденному Строительнымъ Отдѣленіемъ Орловскаго Губернскаго Правленія проекту, на что, между прочимъ, по-

жертвовала 500 руб. монахиня того монастыря Марія Артемьева.

И з в ѣ с т і я .

Воспитанникъ Орловской Духовной Семинари Алексѣй Свиридовъ рукоположенъ во священника къ церкви села Гремячаго, Карачевского уѣзда.

Опредѣлены псаломщиками: Студентъ Орловской Духовной Семинари Александръ Вѣнецкій къ Всесвятской, г. Ливень, церкви; воспитанникъ Орловской Духовной Семинари Григорій Богдановъ къ Владимірской церкви села Чернавска, Елецкаго уѣзда и воспитанникъ 2-го класса Орловской Духовной Семинари Михаилъ Зерновъ къ церкви села Османи, Дмитровскаго уѣзда, послѣдній для испытанія на 6 мѣсяцевъ.

Воспитанникъ 1-го класса Орловской Духовной Семинари Михаилъ Одринскій, опредѣленный псаломщикомъ къ Знаменской, г. Сѣвска, церкви, для испытанія на 6 мѣсяцевъ, резолюціею Его Преосвященства утверждень въ сей должности.

Псаломщикъ села Введенскаго, Яблонино тожъ, Елецкаго уѣзда, Алексѣй Булгаковъ за самовольную и безвѣстную отлучку удалень отъ мѣста.

Уволены за штатъ: священникъ села Карповки, Трубчевскаго уѣзда, Стефанъ Богословскій — по болѣзни и псаломщикъ Троицко-Васильевской, г. Орла, церкви Яковъ Свиридовъ — по прошенію.

Умерли: дьяконъ Соборной, г. Малоархангельска, церкви Яковъ Любомудровъ; псаломщикъ села Городища, Мценскаго уѣзда, Семень Тебеньковъ; сверхштатный псаломщикъ села Глинска, Мценскаго уѣзда, Сергѣй Симеоновъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

О поступлении въ епархіальную ремесленную школу.

Желающие поступить въ епархіальную ремесленную школу обязываются, подавать прошенія на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Мисаила, не позже 15 іюля. При прошеніяхъ должны быть приложены слѣдующіе документы: а) метрическая выписка о рожденіи и крещеніи и в) свидѣтельства — о привитіи оспы и о бѣдности отъ мѣстнаго причта за церковною печатью.

Редакторъ секретарь Консисторіи Н. Спасскій.

Дозв. Пенз. Орель. Іюня 15-го дня 1891 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

ПОУЧЕНІЕ

предъ приобщеніемъ святыхъ Тайнъ. Въ субботу 4-ой недѣли великаго поста.

Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со мною. (Апок. Іоан. Бог. 3, 20 ст).

Въ теченіе всей настоящей седмицы великаго поста, вы присутствовали, братіе, при каждомъ богослуженіи, приготовляя себя говніемъ къ принятію святыхъ Тайнъ — Тѣла и Крови Христовыхъ. Теперь время вкусить таинственной и безсмертной трапезы для васъ уже приблизились.

Господь всѣмъ намъ вѣщаетъ: се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со мною. Слышали ль вы, братіе, гласъ этотъ Господа?

Онъ взывалъ къ вамъ во время церковныхъ богослуженій настоящей недѣли, когда вы присутствовали въ храмѣ. Вы слышали этотъ голосъ, въ теченіе всей седмицы, въ пѣснопѣніяхъ церкви, въ ея молитвахъ и чтеніяхъ, призывавшихъ васъ къ покаянію, къ очищенію души отъ грѣховъ, къ умилостивленію Бога добрыми дѣлами. Это былъ гласъ Господа Бога, — стоявшаго при дверехъ вашего сердца и души вашей и толкавшаго въ нихъ. На этотъ гласъ призванія къ покаянію вы отвѣтили искреннимъ раскаяніемъ и признаніемъ грѣховъ своихъ предъ Богомъ, и исповѣданіемъ ихъ предъ священникомъ — свидѣтелемъ вашего раскаянія предъ Нимъ.

Не далѣе, братіе, какъ вчера, вы слышали этотъ го-
лосъ церкви отъ лица Господа возвѣщающій вамъ, что
жертва тайная, совершенная уже дориносится; что царь
царствующихъ и Господь Господствующихъ уже прихо-
дитъ заклаться и даться въ снѣдь вѣрнымъ.

И такъ, братіе, Господь уже при дверехъ сердець и
душъ нашихъ. Се стою, говоритъ Онъ отъ толку, аще кто
услышитъ гласъ мой и отверзетъ двери свои дуку Ему и
вечеряю съ нимъ. Да будутъ же, братіе, преимущественно
теперь, чресла наши препоясаны и свѣтильники горящи,
чтобы намъ достойно встрѣтить этого высокаго, небеснаго
и божественнаго нашего гостя! Приступимъ къ Нему и
сами съ вѣрою и любовью, да за причастицы жизни вѣч-
ныя будемъ! Скажемъ Ему изъ глубины сердца своего
грѣшнаго: Готово сердце наше, Боже готово. Не уничи-
тожи, Господи, сѣхоты грѣшнаго сердца нашего, но въ
тоже время сокрушеннаго и смиреннаго предъ Тобою!
Вниди, Владыко, въ домъ души нашей грѣшной и ве-
черяй съ нами! Аминь.

Кае. Прот. В. Дѣтскій.

Въ субботу
та.
кто услышитъ
нему и вечеряю
ог. 3, 20 ст).
великаго по-
мъ богослуже-
натию святыхъ
рѣ время вку-
для васъ уже
оно
ю при дверехъ
отверзетъ две-
той со мною.
да?
ихъ богослуже-
зовали въ хра-
всей седмицы,
тъ и чтеніяхъ,
енію души отъ
дѣлами. Это
и дверехъ ва-
въ нихъ. На
бѣтили искрен-
своихъ предъ
никомъ—сви-

ПРЕДИСЛОВІЕ
къ автобіографіи игуменіи Серафимы.

Игуменія Серафима принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ подвижницъ Орловскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря. Знатность ея происхожденія, высокое образованіе, чрезвычайныя обстоятельства вступленія въ монастырь, строгая подвижническая жизнь и неуспынная забота о благѣ вѣренной ей обители — снискали игуменіи Серафимѣ такую преданность со стороны подчиненныхъ и такое уваженіе отъ современниковъ, какими ни прежде, ни послѣ не пользовалась ни одна изъ настоятельницъ Орловскаго Введенскаго монастыря. Всѣ Орловскіе Архипастыри, начиная съ Преосвященнаго Досіея и до Преосвященнаго Евлампія включительно, высоко чтили подвижницу Серафиму, а начальники Орловской губерніи, при всякомъ удобномъ случаѣ, оказывали ей особенное уваженіе. Извѣстно также, что Государыня Императрица Александра Теодоровна желала видѣть Орловскую игуменію, чтобы, какъ изволила Ея Величество выразиться, „познакомиться“ съ нею; и это знакомство устроилось во время Высочайшаго путешествія чрезъ городъ Орель — въ убогой келліи Серафимы; при чемъ Государыня, вопреки общему предположенію Орловскихъ властей, назначила себѣ торжественную встрѣчу въ стѣнахъ вѣренной Серафимѣ обители. Кромѣ того, ни одна изъ настоятельницъ Орловскаго Введенскаго монастыря не понесла столько скорбей, какъ Серафима. Большихъ усилій стоило для ней — искорнить многіе безпорядки, вкравшіеся въ бытъ монашествующихъ отъ давняго времени, и установить строгое благочиніе, укротить ропотъ и водворить миръ.

Но это въ
Монастырѣ
Не имѣя
ніе на Го
ницу дѣвс
года своег
няго вида
привела е
ствомъ вт
труды ея
захъ, въ
прахъ стра
по всѣмъ
холодъ, и
на частно
Памят
вижницѣ
стыря на
въ возобн
мать не п
меніи Сера
для нихъ
подъ свода
которыя
игуменіи С
нымъ допо
рическимъ
мнѣнія, яв
щая жизнь
ницы Орло
ею единст
Іоны пред
возымѣль

Но это было началомъ скорбей ея, какъ настоятельницы. Монастырь, какъ и самый храмъ его, былъ тѣсень и ветхъ. Не имѣя наличныхъ средствъ, но возложивъ все упованіе на Господа и Пречистую Его Матерь, Покровительницу дѣвствующихъ, игуменія Серафима съ перваго же года своего настоятельства приступила къ улучшенію внѣшняго вида ввѣренной ей обители и въ короткое время привела ее въ благолѣпный видъ, распространивъ посредствомъ втораго этажа и монастырскій храмъ. И вотъ, всѣ труды ея по благоустроенію монастыря, на ея же глазахъ, въ ночь на 1 іюня 1843 года, были обращены въ прахъ страшнымъ пожаромъ. Монашествующія разсѣялись по всеѣмъ частямъ обширнаго города, терпя и голодь и холодъ, и сама настоятельница должна была водвориться на частной квартирѣ, гдѣ и предала духъ свой Богу...

Память объ игуменіи Серафимѣ, какъ великой подвижницѣ и послѣдней настоятельницѣ Введенскаго монастыря на Волховской улицѣ, доселѣ жива и дѣйствительна въ возобновленной (на другомъ мѣстѣ) обители. Эта память не позволила остаться и обрѣннымъ останкамъ игуменіи Серафимы на Троицкомъ кладбищѣ, но уготовала для нихъ священную могилу въ стѣнахъ новой обители, подъ сводами храма. Эта же память предала печати нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣятельности высокочтимой игуменіи Серафимы... Но лучшимъ и самымъ естественнымъ дополненіемъ къ имѣющимся уже въ печати историческимъ сказаніямъ объ игуменіи Серафимѣ, безъ сомнѣнія, является собственная ея автобіографія, обнимающая жизнь ея до вступленія въ должность настоятельницы Орловскаго Введенскаго монастыря и составленная ею единственно по желанію Орловскаго Преосвященнаго Іоны предъ тѣмъ временемъ, какъ этотъ Архипастырь возымѣлъ намѣреніе дать инокинь Серафимѣ высшее на

значение и не желая нарушать строгаго и елика безмолвія, вступилъ въ письменное сношеніе съ нею. Игуменія Серафима, въ мірѣ Варвара Михайловна Соковнина, была дочь статскаго совѣтника; родилась около 1779 года, а вступила въ число инокинь Сѣвскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря около 1800 года, гдѣ и подвизалась до опредѣленія своею на должность настоятельницы Орловскаго Введенскаго монастыря. Опредѣленіе это послѣдовало на основаніи предложенія Преосвященнаго Іоны Орловской Духовной Консисторіи отъ 11 іюля 1821 года и указа Консисторіи отъ 14 іюля того года за № 2109 и состоялось еще при жизни Орловской игуменіи Анфіи (впавшей предъ тѣмъ временемъ въ неизлѣльную болѣзнь), вопреки притомъ общему мнѣнію монашествующихъ сестеръ Орловской обители, которыя считали естественною преемницею Анфіи казначею Глафиру, правившую монастыремъ за болѣзнь настоятельницы. Такое преждевременное назначеніе въ настоятельницы и предпочтеніе, оказанное Сѣвской монахинѣ предъ заслуженною Орловскою казначею, объясняются единственно уваженіемъ Преосвященнаго Іоны къ строгимъ подвигамъ монахини Серафимы и высокимъ духовнымъ ея дарованіямъ, усмотрѣннымъ Владыкою изъ переписки его съ нею. Какъ видно отчасти изъ самой автобіографіи игуменіи Серафимы, называемой ею „маленькою исторіею своей жизни“, — это была цѣлая рукопись, адресованная на имя Преосвященнаго, по его же предложенію. Но вопросъ: какимъ образомъ рукопись эта (конечно, оставшаяся на рукахъ у самого Владыки) получила нѣкоторую гласность, такъ что до истребленія монастыря пожаромъ существовала въ нѣсколькихъ рукописныхъ спискахъ, а теперь сохранилась лишь въ одномъ экземплярѣ, который подвергся притомъ многимъ, и болѣею

частью неу
ста? Въ ро
Серафимы
служилъ
кимъ нибуд
крестницею
Павловой,
ми игумен
считали сво
рукописи о
фразовъ, чу
чи, а также
грамматичес
но не всегд
внимательн
Серафимы
стыремъ, а
ственноруч
утвердитель
дѣла весьма
ма была вн
нанія, лучш
численныя и
бумагахъ бы
ля диакона
мени Сераф
обыкновенн
жизни она
зовалась оч
утратили ни

частью неумѣлымъ, исправленіямъ первоначальнаго текста? Вѣроятно прототипомъ „маленькой исторіи жизни Серафимы“, въ видѣ дошедшей до насъ рукописи, послужилъ собственноручный черновикъ Серафимы, какимъ нибудь образомъ усвоенный любимую ея сестрою и крестницею, Орловскою помѣщицею Анною Михайловною Павловой, и, при содѣйствіи ея, списанный почитателями игуменіи Серафимы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Мы считали своимъ долгомъ освободить первоначальный текстъ рукописи отъ сдѣланныхъ въ немъ исправленій и перифразовъ, чуждыхъ перу Серафимы словъ и оборотовъ рѣчи, а также установить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самый грамматическій смыслъ, нарушенный хотя и тщательнымъ, но не всегда грамотнымъ писцомъ. Прочитавъ самымъ внимательнымъ образомъ все дѣловыя рукописи игуменіи Серафимы за время управления ею Введенскимъ монастыремъ, а равно и нѣкоторыя, дошедшія до насъ, собственноручныя ея письма къ частнымъ лицамъ, мы можемъ утвердительно сказать, что она, по своему времени, владѣла весьма грамотнымъ перомъ. Какъ игуменія Серафима была внимательна къ правописанію и знакамъ препинанія, лучшимъ доказательствомъ этого служатъ многочисленные исправленія, сдѣланныя ея рукою на дѣловыхъ бумагахъ бывшаго при ней монастырскаго письмоводителя діакона Архиппа Троепольскаго. Самый почеркъ игуменіи Серафимы отличался рѣдкою отчетливостью и необыкновеннымъ изяществомъ. Въ послѣднее время своей жизни она жаловалась на слабость своего зрѣнія и пользовалась очками, но и самыя послѣднія ея подписи не утратили ни своей твердости, ни рѣдкаго изящества.

Г. Пясецкій.

АВТОБІОГРАФІЯ

Игуменіи Серафимы.

Первое время ея жизни въ домѣ родителей.—Смерть отца и перемены въ судьбѣ семейства.—Труды по воспитанію братьевъ и сестеръ и по управленію дома.—Новыя семейныя скорби и испытанія.—Мысль о монастырскомъ уединеніи.—Слухъ о Сѣвскомъ монастырѣ и желаніе поселиться въ немъ.—Препятствія къ тому со стороны родительницы.—Планъ оставленія родительскаго дома.—Приготовленіе къ бѣгству.—Тайный выходъ.—Неудачная попытка вырваться изъ Москвы къ Воробьевымъ горамъ.—Услуга старика.—Приключеніе на Воробьевыхъ горахъ.—Встрѣча съ священникомъ.—Возвращеніе назадъ.—Участіе священника.—Осмотръ дорожной сумки одною женщиною.—Неудача въ селѣ Никольскомъ.—Совѣтъ старика крестьянина и его посредничество въ перепискѣ странницы съ матерью.—Отвѣтъ матери.—Письмо сестеръ.—Переездъ въ Подмосковное имѣніе.—Рѣшимость поступить въ Сѣвскій монастырь.—Опредѣленіе при посредствѣ княгини Касаткиной.—Оближеніе съ старцею Ксанфіей.—Три послушанія.—Келейная трапеза.—Постриженіе въ монашество.

Описаніе маленькой исторіи моей жизни долженствуетъ, кажется, имѣть началомъ виновника моего бытія. Безъ всякаго душевнаго пристрастія могу сказать о немъ, что онъ былъ человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ; его не только можно было назвать примѣрнымъ отцемъ семейства, но и совершеннымъ другомъ человѣчества. Родительница моя была женщина умная и имѣла много природныхъ дарованій; но въ душевныхъ качествахъ съ нимъ сравниться не могла. У меня было четыре брата и двѣ сестры. Родитель нашъ старался воспитать насъ наилучшимъ образомъ. Онъ ничего не жалѣлъ ни для нашего ученія, ни для нашего образованія, ни для нашего даже утѣшенія. Домъ нашъ былъ домъ радости и мірскихъ увеселеній. Приятное знакомство, ласковое гостепримство, простодушное угощеніе,—все это привлекало къ намъ добрыхъ и любезныхъ людей, которые находили у насъ безпритворное удовольствіе. Но не долго продолжалось наше земное счастье.

Въ с
латъ нѣк
мірскаго
нему тай
бывши бо
предѣль в
нашъ сдѣ
Будучи в
мѣрно, на
утѣшенія,
сей былъ
ницы, и
чаяннн, чт
чтенныи о
полить М
но часто,
изъ сего
жемъ заб
Мнѣ ее о
бить всѣ
въ томъ
Перв
раженія в
какъ скор
бя всѣ до
ны моимъ
дителя, о
никакихъ
ничѣмъ т
можетъ, и
моихъ дву
смотря на

Въ самое то время, какъ родитель нашъ началъ дѣлать нѣкоторыя распределенія для устройства нашего мірскаго благосостоянія, грозная смерть подкралась къ нему тайными шагами. Онъ скончался пятидесяти лѣтъ, бывши боленъ только три дня; и смерть его положила предѣлъ всѣмъ нашимъ земнымъ удовольствіямъ. Домъ нашъ сдѣлался домомъ плача и всегданяго сѣтованія. Будучи въ юномъ возрастѣ, любя родителя моего безмѣрно, находя въ немъ единственный предметъ своего утѣшенія, едва не сошла и я съ нимъ во гробъ. Ударъ сей былъ весьма чувствителенъ и для нашей родительницы, и долгое время была она въ столь ужасномъ отчаяніи, что все хотѣла лишитъ себя жизни. Одинъ почтенный отецъ Матвѣй (теперешній Петербургскій Митрополитъ Михаилъ), который посѣщалъ насъ тогда довольно часто, извлекъ ее своими духовными наставленіями изъ сего бѣдственнаго положенія, и мы никогда не можемъ забыть его христіанскаго въ семъ случаѣ поступка. Мнѣ ее было чрезвычайно жаль. Я старалась употребить всѣ силы для ея успокоенія; но, къ несчастію, мало въ томъ успѣвала.

Первые дни и недѣли послѣ нашего горестнаго пораженія не отходила я отъ матери ни на часъ, а потомъ, какъ скоро уже могла придти въ себя, взяла я на себя всѣ должности, какія только казались мнѣ соразмѣрны моимъ силамъ. Послѣ кончины нашего достойнаго родителя, она не хотѣла уже принимать къ себѣ въ домъ никакихъ учителей, ни надзирательницъ, сказавши, что ничѣмъ такимъ, по причинѣ своей горести, заняться не можетъ, и я принуждена была взять на себя воспитаніе моихъ двухъ младшихъ сестеръ и маленькаго брата, не смотря на то, что мнѣ и самой былъ тогда только сем-

надцатый годъ. Я обучала ихъ всему тому, чему меня учили; утренние мои часы почти всѣ посвящены были на это занятіе. Сверхъ же того должна я была еще взять на себя правленіе дома и всѣ хозяйственныя дѣла, которыя отнимали у меня столь много времени, что мнѣ почти не оставалось свободныхъ часовъ, и очень часто случалось, что я употребляла и ночное время на необходимыя упражненія. Только все это напоследокъ до того меня изнурило, что я въ скоромъ времени пришла въ крайнее изнеможеніе; здоровье мое начало разстраиваться, силы мои исчезали примѣтнымъ образомъ.

Родительница моя сперва оказывала ко мнѣ нѣкоторое соболъзнованіе; но потомъ, когда горестъ ея по незабвенномъ ей супругѣ начала проходить отъ времени и отъ разныхъ развлекающихъ занятій, она сдѣлалась хладнокровна и только въ присутствіи другихъ старалась оказать мнѣ свою матернюю нѣжность, а безъ людей не только меня, но и свое семейство оставляла почти безъ всякаго вниманія. Столь горестная отчужденность томила меня несравненно болѣе, нежели всѣ мои удрученія и болѣзни: я хотѣла найти въ ней совершенную мать и непритворнаго друга; но вмѣсто того видѣла одну личину и того и другаго, которая терзала безпрестанно мое чувствительное сердце. Я начала слабѣть тѣломъ, а для души моей одна смерть становилась отрадою. Свѣтское мое поприще кончилось вмѣстѣ съ жизнію достойнаго нашего родителя, и я въ шестнадцать лѣтъ уже не жила для свѣта. На пятнадцатомъ году своего возраста окончила я свои науки, и только одинъ годъ воспользовалась всѣми мирскими увеселеніями. При добромъ отцѣ все было весело, все занимало. Онъ утѣшался мною, — я имъ, и дни мои всегда протекали приятно. Когда же смерть похитила у

меня внеза
малась ни
вывзжала
ко къ сам
ственное у
чтеніи ду
Юнговы
ную свою
горестную
симъ сочи
гу, воскли
умру я! К
но она не
погружала
того, роди
мени разд
дѣлить их
ихъ въ к
стали тог
могу пред
я вовсе т
средничес
возмогали
бросить и
тельницей
ства.
Въ с
мнѣ один
ніе Фенел
можнымъ
ни свѣта
сильно во

меня внезапно моего нѣжнаго родителя, я уже не занималась никакими зрѣлищами, ни мірскими разсѣянiями, вывзжала съ моею матерью по одной необходимости только къ самымъ близкимъ родственникамъ и находила единственное утѣшеніе въ исполненіи моихъ должностей и въ чтеніи душеполезныхъ сочиненій. Прочитывала часто „Юнговы ночи“, въ которыхъ онъ оплакивалъ единственную свою дочь; размышленія его о смерти улаждали мою горестную душу. Нерѣдко проливала я много слезъ надъ симъ сочиненіемъ, и почти ежедневно, закрывая свою книгу, восклицала вмѣстѣ съ Юнгомъ: „Боже мой! когда умру я! когда узрю жизнь вѣчную!“ Я молила о смерти; но она не приходила, а страданія умножались, и часто погружалась я въ бездну отчаянiя. Къ дополненію всего того, родительницѣ нашей вздумалось вдругъ прежде времени раздѣлить моимъ братьямъ отеческое имѣніе и отдѣлить ихъ вовсе отъ своего распоряженія, что привело ихъ въ крайнее противъ нея раздраженіе. У нихъ возстали тогда такіе междоусобные раздоры, которыхъ не могу предать бумагѣ, а должна сказать только то, что я вовсе терялась въ самомъ трудномъ посреди ихъ посредничествѣ. Душевные мои страданія весьма часто превозмогали все мое терпѣніе. Я желала тогда лучше все бросить и убѣжать на край свѣта, нежели быть свидѣтельницей печальной картины нашего несчастнаго семейства.

Въ семь-то невыносимомъ положеніи предложилъ мнѣ одинъ умный и ученый человекъ приняться за чтеніе Фенелона. Я углубилась въ его сочиненія со всевозможнымъ размышленіемъ, и проповѣдь его объ оставленіи свѣта и о преимуществахъ монастырской жизни столь сильно воспламенила тогда мое воображеніе, что я еже-

часно готова была бѣжать по Фенелонову наставленію и въ уединеніе, и въ самую глубочайшую пустыню. Долго размышляла я о разрывѣ моемъ съ міромъ; но совсѣмъ не знала, куда мнѣ скрыться и гдѣ найти такой монастырь и такую пустыню, которые описаны Фенеломъ въ столь прекрасномъ видѣ. Московскіе монастыри мнѣ нисколько не нравились. Я усматривала въ нихъ такую суету, которая мнѣ и въ мірѣ наскучила; желаніе мое влекло меня удалиться куда-нибудь гораздо далѣе. Мнѣ хотѣлось, по Фенелову наставленію, вести совершенно скрытную жизнь, то есть, не только сокровенную о Христѣ, но и отъ всѣхъ меня окружающихъ. Я слала въ своемъ сердцѣ скрыть навсегда свое имя, приобучить себя къ самой нужной работѣ и никогда ничего отъ своихъ не требовать.

Въ самое то время вздумалось одной доброй нашей знакомой (княгинѣ Касаткиной) поѣхать въ Кіевъ и мимоходомъ заѣхать въ Сѣвскій дѣвичій монастырь, который ей такъ понравился, что она пребыла здѣсь нѣсколько дней, и, возвратясь въ Москву, описала мнѣ его такими прелестными красками, что я послѣ того день и ночь только о томъ и думала, какъ бы мнѣ пробраться въ это святое убѣжище. Вотъ какими словами говорила она мнѣ о немъ: „Сѣвскій монастырь есть райское обиталище, населенное мирными и кроткими душами и управляемое тремя ангелами, которые своимъ единомыслиемъ уподоблялись образу Святой Троицы“. Слова ея привели меня въ восхищеніе. Какая прелесть, думала я, жить съ мирными душами, быть управляемой ангелами, пользоваться райскимъ обиталищемъ! Сердце мое вострепетало отъ духовной радости. Вотъ Фенеловъ монастырь! воскликнула я сама въ себѣ и положила твердый обѣтъ въ ду-

шѣ своей,
премѣнно

Мнѣ
менного м
я знала за
ститъ меня
ло взять н
быть въ ко
для того,
удалиться
къ одной
общину бл
меня въ С
въ разсуд
въ крайнее
ралась я у
ніями; но
что Фенел
няться за
она, въ та
заклочить
однихъ сл
томъ проти
лась замол
спода.

Тогда
длительскій
скрыться н
ко горесте
понимала,
ми, когда
работы и

ше своей, чтобы, во что бы то ни стало, поселиться непременно въ Сѣвской обители.

Мнѣ никакъ не возможно было открыть сего пламеннаго моего намѣренія своей матери, потому что я знала заранее, что она ни подъ какимъ видомъ не пуститъ меня въ отдаленный монастырь, и мнѣ должно было взять на себя такую личину, будто я имѣю желаніе быть въ которомъ—нибудь изъ Московскихъ монастырей для того, чтобы она могла удобнѣе дать мнѣ позволеніе удалиться отъ свѣта; а оттуда я имѣла намѣреніе уѣхать къ одной знакомой (г-жѣ Протасьевой), которая завела общину близъ Арзамаса, и попросить ее объ опредѣленіи меня въ Сѣвскій монастырь. Объясненіе моего желанія въ разсужденіи монастырской жизни привело мою мать въ крайнее противъ меня раздраженіе. Сколько ни старалась я успокоить ее моими просьбами, моими убѣжденіями; но все было тщетно. Она утверждала велегласно, что Фенелонъ вскружилъ мнѣ голову и что я хочу приняться за безразсудное дѣло. „Какая химера, говорила она, въ такой молодости оставить мать, все семейство и заключить себя въ монастырь, который опредѣленъ для однихъ слѣпыхъ, хромыхъ и увѣчныхъ!“ Долго я ей въ томъ противорѣчила; но, видя ее непреклонною, рѣшилась замолчать и возвергнуть свою печаль на одного Господа.

Тогда-то возимѣла я твердое намѣреніе оставить родительскій домъ, такъ чтобы никто о томъ не вѣдалъ, и скрыться навсегда отъ этого міра, гдѣ претерпѣла я столько горестей. Устрашало меня одно только то, что я не понимала, какъ доставить себѣ содержаніе своими руками, когда я еще вовсе не умѣла дѣлать никакой нужной работы и совсѣмъ не знала, гдѣ мнѣ ей обучиться. Чи-

тая однажды въ своемъ кабинетѣ сочиненіе г-на Карамзина, и остановившись на той статьѣ, гдѣ онъ описываетъ всѣ пріятности мирнаго уединенія, я расплакалась и начала молить Бога изъ глубины души, чтобы Онъ, ими же вѣсть судьбами, извлекъ меня изъ сего многоятежнаго міра и показалъ бы мнѣ путь къ желаемому мною пристанищу. Нѣсколько минутъ рыдала я безутѣшно и потомъ, утерши свои слезы, сѣла въ размышленіи у своего бюро, какъ вдругъ услышала шорохъ подлѣ окошка. Я подошла къ нему и увидѣла стоящаго престарѣлаго поселянина, который до того былъ изможденъ, что едва могъ держать свое лукошко съ грибами, которые онъ продавалъ. Его благочестивый и утомленный видъ заставилъ меня обратить на него вниманіе, и мнѣ такъ стало его жаль, что я ту же минуту велѣла своему дворецкому ввести его и заплатить ему безъ торга ту дѣну, которую онъ полагалъ за свои грибы. „Откуда ты, добрый старичекъ?“ спросила я у него. — „Изъ села Никольскаго“, — отвѣчалъ онъ мнѣ. — „А далеко ли это отъ Москвы?“ — „Верстъ съ восемь“. — „Жива ли твоя жена? есть ли у тебя дѣти?“ — „Жива, а дѣтей у меня только двѣ дочери“. — „Чѣмъ же вы себя содержите?“ — „Мы Государевы, намъ дана земля, изъ коей одну половину обсеваемъ хлѣбомъ для своего прокормленія, а на другой — сажаемъ морковь, которую продаемъ въ Москвѣ; вотъ еще, пока есть силы, хожу за грибами, а дочери носятъ продавать молоко на рынокъ, и тѣмъ добываемъ себѣ нужное содержаніе“. Я велѣла ему носить чаще грибы, а между тѣмъ подтвердила дворецкому, чтобы онъ всякій разъ кормилъ его и давалъ бы ему надлежащую плату за грибы. Такая неожиданная встрѣча излила нѣкоторую отраду на мою душу. Вотъ, говорила я сама въ себѣ, у какихъ поселянъ надобно на-

учиться ра
ни узнать,
человѣка!
ла я; доче
томъ отпи
которую-ни
зомъ посре
ря. Что м
ду о всем
го гроба...
твердо рѣ
ствие состо
никуда до
живала бе
силье еще
проходить
монастыря
туть доро
объяснені
руть. До
мудрено, и
и Дѣвичь
мой линіи
гуливаться
оттуда кт
въ одинъ
дое намѣ
Богу.
Нака
домашнія
которыя
тѣмъ, кото

учиться работать своими руками и послѣ изнѣженной жизни узнать, въ чемъ состоитъ истинная потребность для человека! Почему не уйти къ этому поселянину, — думала я; дочери его научатъ меня всей нужной работѣ; потомъ отпущу къ г-жѣ Протасевой, — она пришлетъ за мной которую-нибудь изъ своихъ черноризницъ, и такимъ образомъ посредствомъ ея достигну и до Сѣвскаго монастыря. Что мнѣ нужды, что скажутъ о томъ люди! Я забуду о всемъ мѣрѣ и буду жить въ неизвестности до самаго гроба... Такая мысль меня чрезвычайно успокоила, и я твердо рѣшилась исполнить ее на самомъ дѣлѣ. Препятствие состояло только въ томъ, что я совсѣмъ не знала никуда дороги и даже до своего *прихода* никогда не хаживала безъ провожатыхъ, что и побудило меня разспросить еще у вышеписаннаго поселянина — по какой дорогѣ проходить онъ въ село Никольское. „Мимо Новодѣвичьяго монастыря, сказалъ онъ мнѣ, и черезъ Воробьевы горы; тутъ дорога все прямая“. Услышавши отъ него такое объяснение, я начала слагать въ головѣ тайный свой маршрутъ. До Новодѣвичьяго монастыря, думала я, дойти не мудрено, потому что домъ нашъ былъ на Пречистенкѣ, и Дѣвичье поле было отъ насъ только съ версту въ прямой лини; а на Воробьевы горы ѣзжали мы иногда прогуливаясь, то и туда какъ-нибудь пробраться можно, а оттуда кто-нибудь проводить въ село Никольское... Итакъ въ одинъ рѣшительный день положила я въ душѣ твердое намѣреніе исполнить на самомъ дѣлѣ данный обѣтъ Богу.

Наканунѣ моего исхода изъ міра учредила я всѣ свои домашнія дѣла; повѣрила всѣ счеты какъ тѣмъ деньгамъ, которыя были мнѣ препоручены моею матерью, такъ и тѣмъ, которыя вручены мнѣ по комиссиямъ отъ моихъ

на Карам-
описываетъ
калась и на-
Онъ, ими же
гомятежнаго
мною при-
ѣшно и по-
еніи у своего
окошка. Я
гарѣлаго по-
тъ, что едва
рые онъ про-
тъ заставилъ
до его жалъ,
у ввести его
оторую онъ
старичекъ“?
„— отвѣчалъ
— „Верстѣ съ
бѣ дѣти“?
— „Чѣмъ же
ѣ дана земля,
для своего
въ, которую
илы, хожу за
на рынокъ,
“ Я велѣла
вердила дво-
и давалъ бы
неожиданная
гу. Вотъ, го-
надобно на-

братьевъ и отъ нѣкоторыхъ моихъ родственниковъ; во всё мой шкафы и комоды вложила ключи для того, чтобы не сдѣлать послѣ себя никому никакого затрудненія, и оставила для себя только тридцать рублей изъ своихъ карманныхъ денегъ. Во весь тотъ день не выходила и изъ своей комнаты, сказавши, что я не здорова. Сестры мои этимъ встревожились, также и братья, а мать моя пришла обо мнѣ навѣдаться уже послѣ половины дня, но такъ была суха и хладнокровна, какъ нельзя болѣе. Это было для меня легче, потому что мысль, что я оставляю ее на вѣки, сильно сжимала мое сердце; и бѣжавши отъ нея, мнѣ было весьма ей жаль. Сестры мои и маленькій братъ, который былъ ко мнѣ очень привязанъ, представляли для меня также самое плачевное зрѣлище, но я уже никакъ не могла переменить моего намѣренія и препоручила ихъ одному Богу. Вечеромъ пришли они опять освѣдомиться о моемъ здоровьи; но я сказала имъ, что я не въ силахъ съ ними бесѣдовать, затворила дверь и просила, чтобы они не входили ко мнѣ до утра, потому что мнѣ нуженъ былъ покой. Когда все умолкло и ночная тишина царствовала во всемъ нашемъ домѣ, я снова принялась за учрежденіе своего маленькаго похода, дописала еще кой-какія нужныя записки и потомъ сѣла подлѣ своихъ столовыхъ часовъ, въ ожиданіи рѣшительной минуты.

Пробилъ часъ по полуночи;—сердце у меня сильно билось; пробилъ два часа,—забилося оно еще сильнѣе; ударило наконецъ три... и я встала съ своихъ кресель. Духъ мой возмутился; но я помнила данный обѣтъ Богу, преклонила колѣна предъ Спасителевымъ образомъ, но не могла молиться долго, твердила только слова пророка Давида: *Создавый око не видишь ми и насаждаей ухо не*

слышишь л
на путь п
та Спасите
возложила
сказавши о
только пере
вдругъ нѣск
метью и ла
они разорв
этихъ безсл
чайную роб
о своемъ с
жа, а толь
кимъ голос
на память.
и никто не
жать скорб
этихъ жест
ня только

Такъ к
томъ часу
чистенкою
были заж
своликхъ
спросиль у
ему сказати
что мнѣ пр
дѣвчьяго
сенскомъ, у
утрени въ
риль и по
съ миромъ.

иковъ; во всё
ого, чтобы не
ненія, и оста-
своихъ кар-
ходила я изъ
Сестры мои
ерь моя при-
дня, но такъ
болѣе. Это
я оставляю
и бѣжавши
Сестры мои
очень привя-
лачевное зрѣ-
ть моего на-
черомъ при-
и; но я ска-
сѣдовать, за-
дили ко мнѣ
й. Когда все
семь нашемъ
го маленька-
записки и по-
въ ожиданіи
меня сильно
сильнѣе; уда-
ресель. Духъ
ь Богу, пре-
и, но не мог-
пророка Да-
ждей ухо не

слышишь ли!... Потомъ, сказавъ: *Господи, настави мя на путь правый!* вооружилась вѣрою, взяла вмѣсто щита Спасителейъ образъ, который вложила въ свою сумку, возложила суму на плечо и отправилась въ свой путь, не сказавши о томъ никому изъ своихъ подчиненныхъ. Лишь только переступила я изъ сѣней на передній дворъ, какъ вдругъ нѣсколько нашихъ собакъ бросились на меня опрометью и лаяли на меня такъ страшно, что я думала, что они разорвутъ меня въ куски. Неожиданное нападеніе этихъ безсловесныхъ стражей привело меня въ чрезвычайную робость; и въ ту минуту, забывши отъ страха и о своемъ спасеніи, и о томъ, что я была уже не госпожа, а только убогая странница, я начала скликать громкимъ голосомъ своихъ людей, кто только приходилъ мнѣ на память. Къ счастью, они всё спали глубокимъ сномъ и никто мнѣ не откликнулся. Тогда уже рѣшилась я бѣжать скорыми шагами и, такимъ образомъ, спаслась отъ этихъ жестокихъ преслѣдователей, которые проводили меня только до воротъ.

Такъ какъ тогда былъ сентябрь мѣсяцъ, то въ четвертомъ часу утра было еще очень темно; однакожь Пречистенкою было мнѣ идти удобно, потому что фонари были зажжены по обѣимъ сторонамъ улицы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего дома какой-то будочникъ спросилъ у меня, что я за человѣкъ? Я не знала, что мнѣ ему сказать; однако же не оробѣла и отвѣчала ему то, что мнѣ пришло тогда въ голову: я сирота изъ Ново-дѣвичьяго монастыря, сказала я ему;—ночевала въ Вознесенскомъ, у одной своей родственницы, а теперь иду къ утрени въ свой монастырь. Онъ этому совершенно повѣрилъ и пошелъ на свое мѣсто, а я продолжала путь свой съ миромъ. Когда я вышла съ улицы на Дѣвичье поле, мгла

окружила меня со всехъ сторонъ такъ, что я даже не могла усмотрѣть ни малѣйшей дорожки передъ собою, и шла, вовсе не зная, куда иду. То попадались мнѣ какія-то рѣгатки, то бугераки, то рытвины; однако жъ я нигдѣ не споткнулась и шла смѣло; вдали лаяли на меня собаки, но ко мнѣ не подбѣгали; по сторонамъ кричали будочники: кто идетъ? но ко мнѣ не подходили. Не знаяши, какой имъ дать отвѣтъ, я кричала только издали: а! и они оставались довольны. При малѣйшемъ мерцаніи свѣта увидѣла я, что на Дѣвичье поле очень много разныхъ дорогъ и направо, и налѣво, и вовсе не знала, по которой надлежало мнѣ идти. Путеводителя не было, и я рѣшилась на удачу держаться болѣе правой стороны. Такимъ образомъ, отклоняясь въ темнотѣ все направо, окоресила я кругомъ все Дѣвичье поле, попала въ какой-то переулочекъ, а при разсвѣтѣ очутилась опять близъ самой Пречистенки, только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дома. Тутъ я чрезвычайно оробѣла, очень боялась, чтобы ктонибудь изъ нашихъ людей не усмотрѣлъ меня на дорогѣ и не разсказалъ бы о моей тайнѣ; однако жъ, призвавъ Бога на помощь, ободрила себя твердостью и рѣшилась идти опять на Дѣвичье поле. Новодѣвичій монастырь былъ у меня на глазахъ, я смотрѣла на него пристально, но никакъ не умѣла до него дойти: то сбивалась вправо, то влѣво, и дорога моя кривилась и туда, и сюда.

На срединѣ поля встрѣтился мнѣ какой-то старикъ, который стоялъ согнувшись и задыхался отъ кашля. Я постояла подлѣ него, пока прошло его удущье, и потомъ сказала ему: старичокъ, не проводишь ли ты меня до Воробьевыхъ горъ? а я тебѣ заплачу за работу. Онъ, взглянувъ на меня, сказалъ: „хорошо!“ и пошелъ

вмѣстѣ со мнѣ и очень настыря. Пегдъ стоялъ спросилъ, а лежало перочень не ли которые во ботикъ про страху не (и перевоши минутъ пер на меня ка спросила. (очень не д этихъ крут что не могъ не будетъ усиливался проводить потому что крутизну; и идти, но и ребриный гофу. Ноги тою, то др попадались на самый Лишь встрѣтилас стало свои звѣрскими

о я даже не
едь собою, и
сь мнѣ какія-
о-жъ я нигдѣ
на меня со-
ь кричали бу-
ли. Не знав-
ко издали: я
емъ мерцани-
ь много раз-
знала, по ко-
не было, и я
стороны. Та-
направо, око-
а въ какой-то
близь самой
гахъ отъ сво-
ень боялась,
мотрѣлъ меня
ѣ; однако жъ,
твердостію и
водѣвичій мо-
рѣла на него
дойти: то сби-
вилась и туда,
закой-то ста-
ался отъ каш-
его удушья, и
ашъ литы ме-
чу за работу,
о! и пошелъ

вмѣстѣ со мной. Съ провожатымъ шла я несравненно смѣ-
лѣе и очень скоро дошла съ нимъ до Новодѣвичьяго мо-
настыря. Потомъ прошли какую-то маленькую заставу,
гдѣ стоялъ только одинъ часовой, и ни слова у насъ не
спросилъ, а послѣ пришли къ Москвѣ рѣкѣ, которую над-
лежало переѣхать на лодкѣ. Въ мѣрѣ я боялась воды, и
очень не любила кататься по ней, даже и на ботикахъ,
которые вовсе были безопасны. Мнѣ все казалось, что
ботикъ провалится, и я утону въ водѣ; а тутъ ничего
страху не было. Я взошла въ лодку, точно какъ на мостъ,
и перевощица, сидѣвшая у берега рѣки, въ нѣсколько
минутъ перевезла насъ на другую сторону. Она смотрѣла
на меня какими-то дикими глазами, однако-жъ ничего не
спросила. Отъ берега до Воробьевыхъ горъ разстояние
очень не далеко, и провожатый мой, доведши меня до
этихъ крутыхъ утесовъ, опять вдругъ такъ закашлялся,
что не могъ двинуться съ мѣста. Долго дожидалась я,
не будетъ ли ему легче; но вмѣсто того кашель его еще
усиливался. Я начала просить его, не можетъ ли онъ
проводить меня хотя до вершины этихъ утесистыхъ горъ,
потому что не знала, какъ мнѣ одной взойти на такую
крутизну; но онъ указалъ мнѣ рукою, что ему не только
идти, но и дышать несвободно. Я дала ему за труды се-
ребряный рубль и отправилась одна на крутую мою гол-
гофу. Ноги скользили у меня до чрезвычайности, и я то
тою, то другою рукою хваталась за кустарники, которые
попадались мнѣ по горѣ, и такимъ образомъ взобралась
на самый верхъ.

Лишь только вступила я на долину, какъ вдругъ
встрѣтилась мнѣ какая-то женщина, которая гнала въ
стадо своихъ коровъ. Она взглянула на меня такими
звѣрскими глазами, что я испугалась одного ея взора, а

потомъ немедленно спросила: „что ты за человекъ“? — Я изъ Москвы, — былъ мой отвѣтъ. — „Изъ Москвы? — но кто жь ты такая“? Суровые ея вопросы привели меня въ робость, и я вовсе не знала, что мнѣ ей отвѣчать. Наконецъ, я вздумала сказать ей слѣдующее: я изъ мѣщанскаго званія; отецъ мой столяръ; у меня очень болятъ зубы, а я слышала, что у васъ здѣсь живетъ лекарка отъ зубовъ; то пришла купить у нея лекарства. — „Лекарка отъ зубовъ? какой вздоръ! Я живу здѣсь двадцать лѣтъ и никакой лекарки не знаю. Ты лжешь! Ты вѣрно ушла отъ кого-нибудь. Смотри, бѣжавши отъ волка, не напади на медвѣдя“! При этихъ словахъ оборотилась она въ сторону и, увидавши, что ихъ священникъ шелъ служить обѣдню, закричала ему въ слѣдъ: „батюшка! батюшка! пожалуй сюда“! Священникъ подошелъ, и она начала доносить ему на меня слѣдующимъ образомъ: „посмотри, батюшка, на это чудо! Матернее молоко еще на губахъ не обсохло, а видно уже хочетъ обманывать старыхъ людей: называетъ себя столяровою дочерью, спрашиваетъ какой-то зубной лекарки, а я живу здѣсь двадцать лѣтъ и никакой лекарки не знаю. Она вѣрно обокрала кого-нибудь и ушла съ своею покражею. Посмотри-ка, батюшка, что у нея въ сумкѣ; — вѣрно серебро да золото“. Жестокія ея слова приводили меня въ такой сильный трепеть, что у меня начали дрожать руки и ноги, и я стояла на этомъ судишѣ точно какъ самая важная преступница.

Священникъ посмотрѣлъ на меня со вниманіемъ и потомъ сказалъ мнѣ очень кротко: „ты вѣрно ошиблась дорогою и, можетъ быть, тебѣ велѣли искать зубную лекарку въ другомъ мѣстѣ“? — Мнѣ сказали, отвѣчала я ему, что если я ее здѣсь не найду, то чтобы спро-

сила о ней в
прервала м
куда она п
версты съ
день рѣжут
добычей. П
ловы“! — Св
взявши мен
шаговъ и
датай, что

повѣдать с
и священст
дишь мой
ческаго са
мнѣ подлив
гу повѣрит
скрываетъ
къ тому по
меня въ т
сколько ми
чала ему: С
какъ не мо
только то,
меня дорож
бѣгу мира
какъ это сл
скажи мнѣ,
мое, отвѣча
учиться пр
ными рука
неизвѣстны
же идешь

сила о ней въ селѣ Никольскомъ. — Въ селѣ Никольскомъ? прервала меня сердитая женщина; — подумай, батюшка, куда она пробирается: до села Никольскаго надобно идти версты съ двѣ темнымъ лѣсомъ, гдѣ у насъ въ бѣлый день рѣжутъ людей; а она хочетъ идти туда съ своею добычей. Посмотри, если она не положитъ тамъ своей головы! — Священникъ молчалъ на всѣ ея слова; потомъ, взявши меня за руку, отвелъ въ сторону на нѣскольکو шаговъ и началъ говорить мнѣ слѣдующее: „Я не согладаю, чтобы изслѣдовать пути твои, ни стражъ, чтобы повѣдать суду о твоёмъ побѣгѣ; я служитель Христовъ и священствую уже сорокъ лѣтъ въ этомъ храмѣ. Ты видишь мои сѣдины, ты вѣрно знаешь важность священническаго сана; повѣдай мнѣ тайну души твоей и скажи мнѣ подлинно, кто ты и куда грядешь? Я никакъ не могу повѣрить, чтобы ты была столярова дочь: ты вѣрно скрываешь свое званіе. Скажи мнѣ, Бога ради, что тебя къ тому понудило? — Кроткія слова священника привели меня въ такое умиленіе, что я залилась слезами и нѣсколько минутъ не могла сказать ни слова. Потомъ отвѣчала ему: Служитель Христовъ! простите меня, что никакъ не могу открыть вамъ тайну души моей. Знайте только то, что, потерявши въ мирѣ того, кто былъ для меня дороже цѣлаго свѣта, я рѣшилась оставить миръ, бѣгу мира и хочу укрыться отъ него на вѣки; но не знаю, какъ это сдѣлать. — По крайней мѣрѣ, продолжалъ онъ, скажи мнѣ, куда стремится твое намѣреніе? — Намѣреніе мое, отвѣчала я ему, состоитъ въ одномъ томъ, чтобы выучиться прежде доставать себѣ пищу и одѣяніе собственными руками, а потомъ опредѣлиться въ монастырь подъ неизвѣстнымъ именемъ. — Намѣреніе благое; но къ кому же идешь ты въ село Никольское? — Къ одному знакомо-

му мнѣ поселанину, котораго зовутъ Яковомъ Ивановымъ; у него есть двѣ дочери, у которыхъ хочу научиться всей нужной работѣ. — Я его знаю; онъ человекъ очень добрый, но есть ли съ тобою какой видъ? — Никакого. — Такъ будь же увѣрена, что онъ безъ вида держать тебя никакъ не согласится. Мнѣ извѣстна его честность. — Какъ же съ этимъ быть? — Не знаю. — По крайней мѣрѣ приговѣруйте мнѣ что-нибудь. — Совѣтую тебѣ идти назадъ и выхлопотать себѣ настоящий видъ. — Хорошо! благодарите. — Онъ благословилъ меня, и я отправилась опять назадъ.

Внизъ горы сходить для меня было еще труднѣе; ослабленные мои ноги такъ скользили, что я почти никакъ не могла ихъ удерживать, и, Богъ знаетъ, какъ я не упала! Пришедши опять къ рѣкѣ, увидѣла я, что лодка была у другаго берега, — перевезти меня было некому. Я рѣшилась дожидаться какихъ-нибудь людей, и между тѣмъ предалась размышлению, что будетъ со мной, когда возвращусь опять въ Москву и явлюсь предъ лице своей матери — съ сумою на рукахъ!... Духъ мой возмущался, сердце трепетало, а силы уже такъ ослабли, что я едва могла стоять на своихъ удрученныхъ ногахъ. Боже мой! вопіяла я на небо; Ты видѣлъ желаніе мое принести себя Тебѣ въ жертву. Ты слышалъ издалека всѣ мои о томъ воздыханія. Се та жертва предъ Тобою! Но, видно, жертва недостойная, негодная Творцу своему... Слезы служили мнѣ единственною отрадою; я готова была пасть на землю отъ крайняго изнеможения, какъ вдругъ услышала, что кто-то кричитъ на горѣ: „пожалуй, воротись сюда!“ Я оглянулась назадъ и увидѣла опять того же священника, съ которымъ я имѣла бесѣду. Онъ стоялъ на горѣ и повторялъ мнѣ вышеписанные слова. Это при-

вело меня
зачѣмъ зов
меня идти
гами. Свя
дить съ го
своихъ дря
предварить
Взоше
слѣд.: „Пр
тебя по-на
для твоего

путь и вид
я весьма
шель служ
сложилъ е
ромъ Госп
спокоенъ?
ей никакой
застану е
тебя еще
истязывать
крыть ее.
Самъ и уп
спасти ду
его спасен
жать мног
можетъ бы
гое! Клян
Никольска
мнѣ никак
живши об
спутниковѣ

мъ Ивановымъ;
научиться всей
бкь очень доб-
сакого. — Такъ
жать тебя ни-
ность. — Какъ
ней мѣрѣ при-
ѣйти назадъ
Хорошо! благо-
равилась опять
еще труднѣе;
то я почти ни-
етъ, какъ я не
а я, что лодка
я было некому.
подей, и между
со мной, когда
редъ лице своей
ой возмущался,
бѣли, что я едва
ахъ. Боже мой!
ое принести се-
всѣ мои о томъ
Но, видно, жер-
му... Слезы слу-
ова была пастъ
къ вдругъ слы-
калуй, воротись
опять того же
ду. Онъ стоялъ
слова. Это при-

вело меня въ нѣкоторое замѣшательство. Я не понимала, зачѣмъ зоветъ онъ меня назадъ, когда самъ благословилъ меня идти опять въ Москву, и шла къ горѣ робкими шагами. Священникъ, видя мое смущеніе, началъ самъ сходить съ горы; но я, боясь, чтобы онъ не повредилъ своихъ дряхлыхъ ногъ, удвоила шаги свои и поспѣшила предварить своимъ восходомъ его схождение.

Взошедши на гору, услышала я отъ священника слѣд.: „Прости меня, юная странница, что я утрудилъ тебя по-напрасну, но я самъ не зналъ, что придумать для твоего успокоенія; благословивши тебя на обратный путь и видя твою непрекословную на все готовность, я весьма возмутился: мнѣ стало тебя очень жаль. Я пошелъ служить обѣдню, одлекся уже въ ризу; но потомъ сложилъ ее съ себя. Какъ возглашу, подумалъ я: *Миромъ Господу помолимся*, когда духъ мой не миренъ, не спокоенъ? Я не успокоилъ доброй странницы; не подаль ей никакой помощи. Поспѣшу въ слѣдъ ея; можетъ быть застану ее еще на пути. Какъ обрадовался я, увидавши тебя еще на этой сторонѣ берега! Теперь уже не хочу истязывать тайны души твоей, если ты не желаешь открыть ее. Пусть одинъ Богъ о томъ вѣдаетъ; пусть Онъ Самъ и управитъ путь твой. Я вижу, что ты желаешь спасти душу твою; но путь, который ты избрала для своего спасенія, весьма труденъ и скользокъ: тебѣ предлежатъ многія искушенія. Гряди, куда намѣревалась идти; можетъ быть, Господь устроитъ намѣреніе твое во благое. Клянусь тебѣ, что самъ бы проводилъ тебя до села Никольскаго; но у меня Проскомидія уже совершена и мнѣ никакъ невозможно отлучиться отъ храма, не отслуживши обѣдни. Я пойду домой и приведу тебѣ такихъ спутниковъ, съ которыми можешь дойти безопасно до

добраго пути, и мы разстались съ нею съ большою пріязнію. До села Никольскаго дошли мы благополучно, ни одинъ человекъ не встрѣтился мнѣ на дорогѣ.

Какъ скоро приблизились мы къ селенію, провожающіе отправились назадъ, а я пошла одна, и лишь вступила въ село, какъ встрѣтился мнѣ мальчикъ лѣтъ пяти, который стоялъ на улицѣ. Я спросила у него: знаешь ли ты избу Якова Иванова? — Онъ отвѣчалъ мнѣ: „знаю“. — Проводишь ли ты меня до нея? — „Провожу“. Я дала ему маленькую монету, и онъ обрадовался ей, какъ кладу. Въ ту же минуту побѣжалъ онъ впередъ и указалъ мнѣ жилище добраго Якова. Я постучалась у воротъ; меня тотчасъ встрѣтила его жена съ двумя дочерьми. Онѣ крайне удивились моему приходу, но когда я сказала имъ настоящую тому причину, — нѣсколько испугались и не знали, что сказать мнѣ въ успокоеніе. Старикъ былъ въ Москвѣ на торгу и возвратился оттуда уже въ сумерки. Дочери вышли предупредить его о моемъ приходѣ, но онъ долго не являлся, и это приводило меня въ замѣшательство. Наконецъ вошелъ.. Я увидала его въ такомъ смущенномъ видѣ, что даже нѣсколько испугалась и тотчасъ спросила его: что съ тобою сдѣлалось, добрый старикъ? — отчего ты такъ долго не приходилъ сюда? — развѣ ты не радъ своей гостьѣ? — „Чему быть раду! отвѣчалъ онъ мнѣ, помолчавши; — ты меня теперь вовсе погубила“. Столь жестокое слово пронзило мою душу и до крайности смутило. — Чѣмъ же я тебя погубила? сказала я съ поспѣшностію; я прошу тебя только о томъ, чтобы ты далъ мнѣ убѣжище на самое малое время, покамѣстъ обучусь у твоихъ дочерей всей нужной для меня работѣ; а потомъ отпишу къ одной монастырской знакомой, чтобы она прислала за мной одну изъ своихъ черноризицъ и

опредѣлила бы меня въ отдаленный монастырь. За квартиру же возьми отъ меня заранѣе 25 рублей, которые я взяла съ собою; только Бога ради будь покоенъ. — Сохрани меня Господи, чтобы я взяла твои деньги! Какъ ты это не рассудишь, къ чему ты меня принуждаешь! Ты пришла безъ вида и хочешь, чтобы я укрылъ тебя отъ людей, а нынче такія строгія времена, что и собаки чужой не укроешь. Всѣ знаютъ, что я честный человѣкъ, и ни за что не продамъ своей совѣсти. Какъ же могу держать у себя противъ уложеній Государева закона? — Добрый старичокъ! прервала я его, по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ, а ты самъ рассуди, что все то, что дѣлается для Бога, никогда награды своей не потеряетъ. Одинъ Богъ знаетъ тайну души моей, а тебя избралъ Онъ только вспомогательнымъ для меня орудіемъ. — Я радъ бы тебѣ помочь, помню твой хлѣбъ да соль, но ничѣмъ не могу и ни за что не соглашусь держать тебя у себя безъ виду*.

Что-жъ мнѣ теперь дѣлать съ собою? — сказала я. — „Напиши письмецо къ своей матушкѣ, я отвесу его завтра къ ней; — больше дѣлать нечего“. — Совѣтъ добраго Якова произвелъ во мнѣ сильное потрясеніе. Я сама усматривала, что болѣе дѣлать нечего, какъ ему послѣдовать; но это безмѣрно возмущало мою душу. Рѣшившись скрыться отъ свѣта на вѣки, и вдругъ обнаружить предъ свѣтомъ всѣ свои тайныя намѣренія! Это казалось для меня невыносимымъ. Нѣсколько минутъ была я въ крайнемъ недоумѣніи; но потомъ, размысливъ, что человѣкъ только предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ, и что безъ воли Его ничего быть не можетъ, — рѣшилась писать обо всемъ моей матери и просить ее только о томъ, чтобы она не препятствовала мнѣ болѣе посвятить себя одному Богу и

опредѣлить карандашъ та за свои

Какъ

ся въ Мос

принесъ ме

показался

тотчасъ сп

добрый ста

не попали

отъ сестри

радовались

привести м

вя о тебѣ;

ня глазъ,

осыпали м

мнѣ твоя п

леніе, и я

Матерь мо

но весьма

я еще пом

возвратила

слѣдующее

„Нѣ

шая сестр

дня. Ужас

нашемъ до

наше опис

казали нам

о своей бо

снило наш

томъ, ни

гръ. За квар-
лей, которые
коень. — „Со-
деньги! Какъ
нуждаешь! Ты
быль тебя отъ
и собаки чу-
ый человекъ,
какъ же могу
а закона“? —
кдѣ и закону
о все то, что
не потеряешь.
тебя избралъ
и. — „Я радъ
б, но ничѣмъ
тебя у себя
сказала я. —
у его завтра
браго Якова
ама усматри-
слѣдовать; но
пись скрыть
б предъ свѣ-
ось для меня
крайнемъ не-
вѣкъ только
езъ воли Его
у всемъ моей
она не пре-
ому Богу и

опредѣлиться въ монастырь. Къ счастью, былъ со мною карандашъ и листъ бумаги, и я просидѣла почти до свѣта за своимъ писаніемъ.

Какъ скоро стало разсвѣтать, посоль мой отправил-ся въ Москву и возвратился оттуда уже въ полдень. Онъ принесъ мнѣ письма отъ моей матери и отъ сестеръ и показался мнѣ очень спокоень. Это меня ободрило, и я тотчасъ спросила у него: что-жъ скажешь ты мнѣ теперь, добрый старикъ? — „Велика милость Господня: ни я, ни ты не попали въ бѣду. Вотъ письма отъ твоей матушки и отъ сестрицъ. О, какъ онѣ тебя любятъ! Мнѣ такъ обрадовались, какъ ангелу Божию. Матушка твоя велѣла привести меня въ свою горницу, все разспрашивала у меня о тебѣ; а маленькій твой братецъ не спускалъ съ меня глазъ, покаместъ я о тебѣ рассказывалъ, и всѣ они осыпали меня деньгами. Я теперь богаче тебя; на что мнѣ твоя плата“! Рассказы его привели духъ мой въ умиленіе, и я послѣшила прочитатъ присланныя мнѣ письма. Матерь моя написала ко мнѣ въ разстроенномъ духѣ, — но весьма кротко, и только просила меня о томъ, чтобы я еще помедлила посвятить себя монастырской жизни и возвратилась бы къ ней; а сестры мои написали ко мнѣ слѣдующее:

„Нѣтъ словъ для изъясненія вамъ, любезнѣйшая сестрица, что происходило съ нами со вчерашняго дня. Ужасъ, горестъ, отчаяніе, — все это водворилось въ нашемъ домѣ, послѣ вашего исхода. Чѣмъ начнемъ вамъ наше описаніе! Съ самой той минуты, какъ вы не приказали намъ входить въ свою комнату и извѣстили насъ о своей болѣзни, какое-то томительное чувствованіе стѣснило нашу душу; но мы не смѣли ни сказать вамъ о томъ, ни вамъ противорѣчить. Удивлялись только тому,

что вы часто бывали нездоровы, но никогда насъ отъ себя не отсылали и никогда не затворяли отъ насъ своей двери. Мы уснули съ большимъ безпокойствомъ; однако жъ ничего не слышали, какъ вы отъ насъ отправились. По утру тотчасъ пошли къ вашей двери; но у васъ въ комнатѣ такъ было тихо, что мы подумали, что вы почиваете, и боялись васъ разбудить. Черезъ часъ пришла къ намъ наша казначея съ безпокойнымъ видомъ и сказала намъ, что она приходитъ въ недоумѣнiе о томъ, что съ вами сдѣлалось, потому что вы всякій день вставали до свѣта, а тогда былъ уже восьмой часъ, а вы ни разу не кликнули своей комнатной дѣвшки. Ея безпокойство привело насъ въ нѣкоторую робость; мы опять подбѣжали къ вашей двери, но опять все было тихо. Потомъ матушка прислала намъ сказать, что къ намъ будутъ гости обѣдать, а дворецкiй и поваръ пришли требовать вашихъ приказанiй; это привело насъ еще болѣе въ замѣшательство. Мы велѣли имъ придти черезъ часъ, а сами ходили взадъ и впередъ большими шагами, вовсе не зная, что намъ надлежало дѣлать. Наконецъ пробило уже девять часовъ, и мы рѣшились войти въ вашу комнату, отворили дверь, вошли и... васъ не было! Это поразило насъ, какъ громовымъ ударомъ; мы не только зарыдали, но даже завыли необыкновеннымъ голосомъ, и тотчасъ побѣжали черезъ корридоръ (который за матушкиной спальней) въ комнату къ брату Павлу. Онъ до того испугался, видѣвши насъ въ столь отчаянномъ видѣ, что вдругъ точно какъ оцѣпенѣлъ, а потомъ началъ плакать безутѣшно. Матушка, услышавши наше бѣганье и вопль, тотчасъ прислала къ намъ съ выговорами, для чего мы бѣгаемъ такъ неосторожно, и что за странный крикъ, которымъ мы ее испугали? Мы ту-жъ минуту явились предъ ея лицо, а

она, увидавъ насъ съ гнѣвомъ за крикъ, стали похвѣвать ничеготы нѣтъ, словъ она могли при въ себя, родственны тотчасъ сдѣлались. недоумѣнiе представили могли усн въ залѣ ихъ не на минутъ зная о завтрашн и если н Они тре дали как до свѣта. но онъ с нимъ дѣ въ неиз данно, вс пришли забывши обрадова побѣжал

насъ отъ се-
ль насъ своей
ль; однако жъ
равились. По
васъ въ ком-
о вы почивае-
ь пришла къ
мъ и сказала
томъ, что съ
вставали до
вы ни разу не
койство при-
ь побѣжали
Потомъ ма-
будутъ гости
вать вашихъ
ь замѣшатель-
сами ходили
не зная, что
о уже девять
омнату, отво-
оразило насъ,
ыдали, но да-
часъ побѣжа-
юй спальней)
испугался, ви-
вдругъ точно
безутѣшно.
тотчасъ при-
бѣгаемъ такъ
торымъ мы ее
ь ея лицо, а

она, увидавши насъ въ такомъ разстройствѣ, сказала намъ съ гнѣвомъ: „Долго ли вамъ меня беспокоить? что у васъ за крикъ? что за бѣганье? Да и сами на сумасбродныхъ стали похожи. Что такое съ вами сдѣлалось?“ — А вы развѣ ничего не знаете? — „Ничего; что-жъ такое?“ — Сестрицы нѣтъ, и Богъ знаетъ, куда она скрылась. При семъ словѣ она упала вдругъ полумертвая; мы съ трудомъ могли привести ее въ чувство. Какъ скоро пришла она въ себя, мы послали повѣстить всѣхъ нашихъ близкихъ родственниковъ о постигшемъ насъ несчастіи, и они всѣ тотчасъ съѣхались; но никто не могъ придумать, куда вы дѣвались. Цѣлый день пропелъ въ мучительномъ для насъ недоумѣніи, а когда настала ночь, вы не можете себѣ представить — какой былъ ужасъ въ нашемъ домѣ! Мы не могли уснуть ни на минуту, а люди наши собрались всѣ въ залѣ и были они въ такомъ трепетѣ, что никто изъ нихъ не ложился. Матушка никакъ не могла уснуть ни на минуту, а люди наши — повѣрить, чтобы кто-нибудь не зналъ о вашемъ удаленіи. Она пригрозила имъ, что они завтрашній же день всѣ будутъ приведены къ допросу, и если не скажутъ правды, то строго будутъ наказаны. Они трепетали безъ малѣйшей вины, — точно какъ ожидали какого смертнаго приговора. Нынче встали мы еще до свѣта, пошли опять къ брату Павлу — дѣлить свое горе; но онъ совсѣмъ былъ безутѣшенъ, и мы не знали, что съ нимъ дѣлать. Нѣсколько часовъ прошло для насъ снова въ неизъяснимомъ терзаніи; но вдругъ, совсѣмъ нежданно, возсіялъ для насъ лучъ небесной отрады. Намъ пришли сказать, что отъ васъ присланъ посланный, и мы, забывши въ одно мгновение все наше отчаяніе, до того обрадовались этому извѣстію, что въ ту же минуту всѣ побѣжали къ нему на встрѣчу, и всѣ плакали отъ радо-

сти. Одинъ спрашивать у него то, другой другое, а вашъ добрый Яковъ до того растерялся съ своими отвѣтами, что самъ не зналъ, кому что отвѣчать. Матушка приказала кликнуть его въ свою комнату; сама у него о васъ спрашивала и потомъ, давши ему довольную сумму денегъ, начала писать къ вамъ письмо; а мы, не зная, чѣмъ наградить его за столь добрую вѣсть, надавали ему столько серебряныхъ денегъ, сколько могла помѣстить его горсть. Мы не можемъ довольно возблагодарить Бога за то, что Онъ извелъ насъ изъ такого отчаяннаго положенія; но не меньше не можемъ скрыть отъ васъ, любезнѣйшая сестрица, что сколько ни горестна для насъ ваша съ нами разлука, но мы никакъ не совѣтуемъ вамъ возвратиться въ тотъ родительскій домъ, который намѣрены вы были навсегда оставить. Матушка хотя пишетъ вамъ благосклонно и хотя приглашаетъ васъ къ себѣ, но мы должны сказать вамъ всю истину. Она раздражена до крайности вашимъ поступкомъ; до сихъ поръ скрываетъ рвеніе, но если вы покажетесь къ ней на глаза, — изліяніе ея гнѣва будетъ для васъ не выносимо. Вы сами знаете, что одинъ ея суровый взглядъ всегда оскорбляетъ вашу чувствительность, а теперь вамъ должно будетъ выслушивать часто самыя колкія слова раздраженной матери. Итакъ оставьте насъ однихъ терпѣть наши страданія. Мы всегда будемъ почитать васъ единственнымъ нашимъ другомъ, всегда постараемся употребить всѣ средства для вашего успокоенія. Братъ Павелъ пріѣдетъ къ вамъ немедленно и переговоритъ съ вами обо всемъ лично. Брата Н. М. ожидаемъ нынче изъ Подмосковной. Онъ вѣрно не замедлитъ устроить все для вашего спокойствія, а къ брату М. М. будемъ писать о васъ по нынѣшней почтѣ. Простите, любезнѣйшая сестрица! Бога ради будь-

те спокойны
имъ уединен
отнять не м

По про
мнѣ оба бр
до крайност
говорить ст
на, и очень
уговаривали
не удалялас
лагаль мнѣ
которая то
го имъ про
комъ прекл
денія и тѣм
сковную. О
а сами поф
не препятс
ніемъ. Я п
однимъ чте
кромѣ перв
уединенія
могла пре
тогда мое
мѣстѣ, кот
талищемъ
проводили
и нашъ де
возможны
цвѣтущей
мнѣ тамъ
тогдаст п

те спокойны и занимайтесь теперь одним Богомъ и своимъ уединеніемъ; внутренняго услажденія никто отъ васъ отнять не можетъ.”

По прочтеніи мною сего письма, немедленно явились ко мнѣ оба брата: старшій и третій. Они были возмущены до крайности; но старшій могъ скрыть свое огорченіе и говорилъ съ твердостью, а третій плакалъ, какъ женщина, и очень разстрогалъ меня своими слезами. Они оба уговаривали меня убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобы я не удалялась ни въ какой монастырь, и большій предлагалъ мнѣ для уединенія свою Подмосковную деревню, которая только въ сорока верстахъ отъ Москвы. Я долго имъ противорѣчила, но такъ какъ сердце мое слишкомъ преклонно, на послѣдокъ согласилась на ихъ убѣжденія и тѣмъ же днемъ отправилась съ ними въ Подмосковную. Они устроили тамъ все для моего успокоенія, а сами поѣхали обратно въ Москву для того, чтобы мнѣ не препятствовать пользоваться совершеннымъ уединеніемъ. Я прожила тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, занималась однимъ чтеніемъ и рукодѣліемъ и никуда не выѣзжала, кромѣ церкви. Для меня было приятно наслаждаться въ уединеніи одною природою и Творцемъ ея; но никакъ не могла пребороть безмѣрнаго унынія, которое обладало тогда мою душу отъ разныхъ воспоминаній въ томъ мѣстѣ, которое было для насъ самымъ пріятнѣйшимъ обиталищемъ при жизни покойнаго нашего родителя. Мы проводили тогда все лѣтнее время въ этой Подмосковной, и нашъ добрый отецъ приготовлялъ для насъ тамъ всевозможныя утѣшенія, какія только могли услаждать въ цвѣтущей молодости. Всякій предметъ и всякій шагъ мнѣ тамъ о немъ напоминали. Пойду ли прогуливаться, тотчасъ представлялись моему взору прекрасныя сады,

разведенные собственными его стараніями, по которымъ онъ часто водилъ меня съ собою и все училъ меня, какъ называется какое дерево, какъ его прививаютъ, какъ сохраняютъ его въ зимнее время. Сяду ли за свой инструментъ; но и тотъ, казалось мнѣ, издавалъ плачевный тонъ безъ моего милаго слушателя, который часто стоялъ за моимъ стуломъ и ободрялъ меня своими похвалами. Возьму ли свою удочку для ловитвы рыбы; но и съ той скоро возвращусь назадъ, вспомнивъ, что уже некому принести моей добычи... Всѣ такія прискорбныя воспоминанія безмѣрно терзали мою душу, и я видѣла ясно, что мнѣ невозможно было обрѣсти спокойствія въ семъ горестномъ для меня мѣстѣ.

Въ скоромъ времени монастырская жизнь начала быть снова главнымъ предметомъ моего воображенія, и я написала къ своимъ братьямъ, что меня уже ничто въ семъ мірѣ утѣшить не можетъ, что я твердо рѣшила посвятить себя одному Богу, и что, кажется, кромѣ монастыря никакое мѣсто для того приличнѣе быть не можетъ. Такое извѣстіе огорчило ихъ до крайности; они просили у меня позволенія пріѣхать въ Подмосковную для того, чтобы снова посоветоваться обо всемъ лично; но я просила ихъ убѣдительно, чтобы они того отнюдь не дѣлали, потому что боялась, чтобы слабое мое сердце не склонилось опять на ихъ убѣжденія, и положила въ душѣ моей твердый обѣтъ: опредѣлится непременно въ Сѣвскій монастырь. Больше два брата раздражились моимъ намѣреніемъ, а третій (который былъ всѣхъ чувствительнѣе) принялъ это такъ больно, что не могъ послѣ того остаться въ Москвѣ. Онъ уѣхалъ немедленно въ Парижъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ занимался продолженіемъ своихъ наукъ, по окончаніи которыхъ возвратился

опять въ с
ревнѣ въ с
Ни р
не согласи
лаемый мо
родного мо
охотою за
нему въ де
гиня Каса
знакома съ
живши нѣ
кону Божі
сила его,
келлію въ
ея просьбѣ
что онѣ, п
для меня к
въ ихъ оби
замедлила
до глубины
просьбы, ус
ный опытъ
споспѣшест
со мною в
постигшей
тому препо
водитъ мен
По пр
въ игумен
гарита, а
ною правит
ма г-жа и

опять въ свое отечество и живетъ теперь въ своей деревнѣ въ совершенномъ уединеніи.

Ни родительница моя и ни одинъ изъ моихъ братьевъ не согласились постараться объ устроеніи меня въ желаемый монастырь, и я принуждена была просить о томъ родного моего дядю (г-на Сухотина), который взялся съ охотою за это дѣло. Я поѣхала изъ Подмосковной къ нему въ деревню, которая недалеко отъ Орла; а та княгиня Касаткина, о которой упоминала я выше, будучи знакома съ Преосвященнымъ Досиѣемъ (потому что онъ, живши нѣкогда въ Москвѣ, училъ тогда у нея дѣтей Закону Божию), написала къ нему о моемъ намѣреніи и просила его, чтобы онъ приказалъ приготовить для меня келлію въ Сѣвскомъ монастырѣ. Онъ все исполнилъ по ея просьбѣ, и здѣшнія начальницы написали къ княгинѣ, что онѣ, по благословенію Преосвященнаго, приготовили для меня келлію и остаются въ ожиданіи моего пріѣзда въ ихъ обитель. Княгиня, по полученіи сего письма, не замедлила доставить его ко мнѣ. Меня тронуло тогда до глубины души, что она, безъ малѣйшей мосѣ къ ней просьбы, устроила все это дѣло, въ чемъ признала я истинный опытъ Провидѣнія Господня, которое любящимъ Его споспѣшествуетъ все во благое. Дядя мой собрался самъ со мною ѣхать въ Сѣвскій монастырь, но, по причинѣ постигшей его болѣзни, не могъ того исполнить, и потому препоручилъ своему старшему сыну и дочери проводить меня до здѣшней обители.

По пріѣздѣ нашемъ сюда, пришли мы прежде всего въ игуменскую келлію, гдѣ встрѣтила насъ и г-жа Маргарита, а г-жа мати Ксанфія (которая была тогда главною правительницею Сѣвскаго монастыря, такъ что и сама г-жа игуменія безъ ея совѣта ничего не дѣлала) яви-

лась ко мнѣ уже тогда, какъ мои родственники пошли на свою квартиру, а же, по приглашенію г-жи игуменіи, осталась у нея въ кельяхъ. Благоулыбный видъ мудрой матери Ксанфіи, кроткая ея бестія, здравое ея сужденіе — все это, при первомъ шагѣ, заставило меня обратиться на нее все мое вниманіе. Я просидѣла съ нею до полуночи и не могла довольно насытиться ея усладительными разговорами. Сердце же мое, которое всегда готово къ истинной любви къ ближнему, до того привязалось къ ней при первомъ съ нею объясненіи, что я съ тѣхъ поръ усматривала изъ глазъ ея, что ей было угодно, а такъ какъ то же сердце весьма у меня мягко, то я была въ рукахъ ея ничто иное, какъ растопленный воскъ, изъ котораго она производила все, что хотѣла. Сѣвскій монастырь процвѣталъ, какъ кринъ, при ея управленіи. Церковь, которая привлекаетъ своею красивою отдѣлкою взоры даже постороннихъ посѣтителей, не имѣла другаго архитектора, кромѣ мудрой Ксанфіи, которую Господь одарилъ столь тонкимъ обо всемъ понятіемъ, что она совершенно на все была способна. Она знала вкусъ и въ архитектурѣ, и въ живописи, и въ рѣзбѣ; и работники, которые были тогда наняты для всей этой отдѣлки, боялись ее гораздо болѣе, нежели своего рядчика, который сюда почти никогда не являлся и пріѣхалъ только при окончаніи работы къ денежному разсчету. Они слушали малѣйшаго ея мановенія; если что-либо было сдѣлано не такъ, она тотчасъ заставляла ихъ поправлять или передѣлывать снова, и они все то исполняли безпрекословно, потому что она имѣла удивительный даръ соединять взыскательную строгость съ ласковымъ убѣжденіемъ. Шитая одежда на престолѣ и на жертвенникѣ, также плащаница и всѣ шитые образа, которые находятся у

насъ въ ве
ками. Труд
шей вещи
манія. Пор
ство, кото
ду, заведе
ководством
примѣръ и
даръ узнав
и на кажд
послушаніе
мѣнною ре

По вс
фія налож
гать лампы
насъ ежед
во время
писать пис
ней обите
но; и хотѣ
до природ
я и отъ т
насъ почт
свободно
у насъ бы
лось мнѣ
нить нало
ко та, что
ко и снис
чивость, с
дила отъ
забывала
исполненіе

насъ въ верхней церкви, отдѣланы собственными ея руками. Труды ея были неутомимы, и не было ни малѣйшей вещи, на которую не обращала бы она своего вниманія. Порядокъ, чистота и все наружное благоустройство, которое даже до сихъ поръ не потеряло своего виду, заведено одною ею. Всѣ были довольны подъ ея руководствомъ, потому что она во всемъ показывала собою примѣръ истиннаго совершенства. Она имѣла особенный даръ узнавать нравы и способности своихъ подчиненныхъ и на каждую налагала въ сообразность тому посильное послушаніе, которое всякая старалась исполнить съ отменною ревностію.

По вступленіи моемъ въ здѣшнюю обитель, мать Ксанфія наложила на меня три послушанія: первое — зажигать лампы, которыхъ при ея правленіи зажигалось у насъ ежедневно болѣе двадцати; второе — читать поученіе во время утрени, а третье — дѣлать всѣ нужные счета и писать письма къ кому слѣдовало по надобностямъ здѣшней обители. При ея правленіи мнѣ все казалось приятно; и хотя второе послушаніе нѣсколько тяготило меня, по природной моей застѣнчивости, но, для угожденія ей, я и отъ того не отказалась; въ будничные дни (когда у насъ почти никого не было въ церкви) прочитывала я свободно надлежащія поученія, но въ праздники, когда у насъ бывала толпа народа во время утрени, это казалось мнѣ такъ дико, что я едва могла имѣть силы исполнить наложенную на меня обязанность. Отрада была только та, что добрая моя мать сколько была строга, столько и снисходительна: видя мою непреборимую застѣнчивость, она помогала мнѣ тѣмъ, что никогда не отходила отъ наложы, покаместъ я читала, и я, глядя на нее, забывала о томъ, что меня окружало, думая только объ исполненіи ея воли.

О трапезѣ предложила она мнѣ сама, и я только спросила у нея: нужна ли такая пища для спасенія души? Она сказала мнѣ, что всякое умерщвленіе плоти полезно для души, и я безирекословно на все согласилась. Сперва обѣдала я въ своей келліи, но въ скоромъ времени стало мнѣ скучно употреблять одной невкусную пищу; я предложила госпожѣ матери объ общей съ ней трапезѣ; она приняла меня въ свои сотоварищи съ большимъ удовольствіемъ, и я ежедневно ходила обѣдать къ ней въ келлію. Покамѣстъ силы ея были достаточны, она сама приготавливала для меня трапезу; а когда уже стала ослабѣвать, то препоручила это моимъ келейнымъ, которыхъ сама научила стряпать постную пищу.

О постриженіи предложила она мнѣ чрезъ нѣсколько дней послѣ моего входа въ здѣшнюю обитель, и болѣе потому, что она вскорѣ замѣтила мою склонность къ унынію, отъ котораго въ тѣ часы, когда становилось мнѣ скучно, я иногда говорила ей съ природнымъ моимъ простодушіемъ: Милая мати! мнѣ и здѣсь скучно: я думала найти ангеловъ, но ихъ нѣтъ. Отпустите меня домой.— „Домой? А развѣ у иночествующихъ есть домъ, кромѣ обители своей? Ангеловъ же ты нигдѣ не найдешь; люди вездѣ люди, и надобно утѣшить себя въ семъ печальномъ опытѣ признаніемъ собственныхъ слабостей“.— Я признаю во всемъ свои слабости; но я еще не инокиня, такъ почему же мнѣ не возвратиться опять домой?— „Для того, что ты дала обѣтъ Богу посвятить себя на служеніе Ему, а не міру. Помни же, что инокамъ отставки нѣтъ“.— Но я говорю вамъ, что я не инокиня; какое-жъ мнѣ до того дѣло?— „Ты будешь скоро инокинею и должна готовиться къ этому священному званію“.— Я буду скоро инокинею?— кто вамъ это сказалъ?

Я никогда чинѣ?— По-
демъ. По м
няго постри
наго покор
нить во вся
ливо. Святы
жіему вдох
ангельскій
ному желан
ніа, конечно
предписанн
воначальны
ши себѣ сп
ему во все
вить“.— Я
му не хочу
силы свои
то какого-н
любоначали
това исполн
если мнѣ
мнѣ будетъ
затъ меня
нашегокаго з
но по ваше
такимъ усло
да буду въ
недостатки,
„Богъ намъ
весьма скор
„Вакансіи

и я только спасенія душе плоти по согласилась, скоромъ времени невкусную пи- общей съ ней рици съ боль- ла обѣдать къ остаточны, она огда уже ста- ть келейнымъ, пишу. резъ нѣсколь- битель, и бо- склонность къ ановилось мнѣ мь моимъ про- чно: я думала меня домой. — домъ, кромѣ найдешь; лю- бь семь печаль- лабостей". — Я еще не ино- ся опять до- посвятить се- , что инокамъ я не инокиня; ь скоро ино- щенному зва- ь это сказалъ?

Я никогда не хочу постригаться. — „А по какой же при- чинѣ“? — Потому что мнѣ это кажется однимъ любонача- лемъ. По моему мнѣнію, Богъ требуетъ одного внутрен- няго постриженія, то-есть, отверженія своей воли и пол- наго покоренія Его святому Промыслу, а это можно испол- нить во всякомъ званіи. — Ты разсуждаешь несправед- ливо. Святые отцы установили монашескій чинъ по Бо- жиему вдохновенію, и всѣ, восприемлющіе на себя сей ангельскій образъ, не по любоначалию, но по единствен- ному желанію удобнѣйшаго средства для своего спасе- нія, конечно, обрѣтутъ его въ точномъ исполненіи всего предписаннаго въ семь званіи. Помни же и то, что но- воначальнымъ никакого своеумія имѣть не должно. Избрав- ши себѣ путеводителя по сердцу, надлежитъ покорить ему во всемъ свою волю и ни въ маломъ не прекосло- вить“. — Я вамъ не прекословлю, милая мати; но пото- му не хочу вступить въ монашескій чинъ, что чувствую силы свои недостаточными и боюсь, чтобы не дать чрезъ то какого-нибудь повода къ сокровенному самолюбію или любоначалию. Если же вамъ это угодно, я во всемъ го- това исполнить волю вашу; только скажите мнѣ заранѣе, если мнѣ случится умереть прежде васъ, — можно ли мнѣ будетъ сказать на томъ свѣтѣ, когда станутъ истя- зать меня въ моихъ неисправностяхъ въ разсужденіи мо- нашескаго званія, что я приняла его не по своему желанію, но по вашему соизволенію? — „Очень можно“. — Ну, съ такимъ условіемъ постригайте меня, когда хотите; я все- гда буду въ надеждѣ, что вы будете отвѣчать Богу за мои недостатки, о которыхъ предварила я васъ заранѣе. — „Богъ намъ во всемъ поможетъ, и мы пострижемъ тебя весьма скоро“. — А развѣ у васъ есть теперь вакансія? — „Вакансіи нѣтъ; но она можетъ быть вскорѣ. У насъ

есть престарѣлая монахиня, которой уже слишкомъ сто-
лѣтъ, и она вѣрно дожидалась тебя для того, чтобы усту-
пить тебѣ свое мѣсто! Предсказаніе ея сбылось въ точ-
ности: престарѣлая наша праматерь окончила свое по-
прище черезъ нѣсколько недель послѣ моего входа въ
здѣшнюю обитель, а меня постригли на ея мѣсто черезъ
нѣсколько мѣсяцевъ.

(Окончаніе будетъ).

Г. Пасецкій.

Продолжается подписка на 1891 годъ
на новый литературный журналъ

ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА

журналъ переводныхъ романовъ и повѣстей.

„Всемирная Библиотека“ выходитъ въ среднихъ чис-
лахъ каждаго мѣсяца книжками въ 18—20 печатныхъ
листовъ (до 4,000 страницъ въ годъ) большаго журналъ-
наго формата. Въ журналъ помѣщаются исключительно
лишь выдающіяся новинки иностранной литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой во все мѣста
Россійской Имперіи:

На годъ 3 руб.
полгода 2

на Общес
НА
Журналь в

- 1) Общественныхъ наукъ къ пріятію, изобрѣтѣнныя
 - 2) Медическія науки
 - 3) Статистическія науки
 - 4) Научныя хроника
 - 5) Всеобщая исторія
 - 6) Общественныя науки
- Журналь
то же время
литературно-научныя, техническія
года до 500
Но
Цѣна: съ доставкой
” ”
Адресъ
Шильдбахъ

Продолжается подписка на **Общепонятно-научный иллюстрированный журнал**

„НАУКА и ЖИЗНЬ“

Журнал выходит еженедельно (52 №№ в год) по слѣдующей программѣ:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложения наукъ къ практической жизни и промышленности; открытия, изобрѣтенія, усовершенствованія.

2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство.

3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библиографія.

4) Научныя игры и развлечения; задачи; почтовый ящикъ.

5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.

6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлю дать чтеніе полезное и въ то же время интересное для всѣхъ, своевременно и въ литературно обработанной формѣ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года до 500 иллюстрацій.

Новые подписчики получаютъ съ № 1.

Цѣна: съ пересылкой и доставкой на годъ . . . 5 руб.

” ” ” ” ” полгода . . . 3 ”

Адресъ редакціи: Москва, Малая Дмитровка, домъ

Шильбахъ.

Орелъ. Типографія В. П. Матвѣева. Лв. Одоевская.

Дозв. Цензурною Орелъ. 15-го июня 1911 г.

Въ Редакціи Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей
поступила въ продажу книга: **“Резолюціи московскаго
митрополита Филарета по разнымъ раздѣламъ и главамъ
Устава Духовныхъ Консисторій и по управленію духовно-
учебными заведеніями,“** — необходимая каждому духовному
пастырю въ его пастырской дѣятельности. Цѣна 2 р. 50 к.
безъ пересылки; пересылка за 2 ф. по разстоянію.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 6 р. 50 коп. **Адресъ Редакціи:**
г. Орель—Орловская Ду-
ховная Консисторія.

СОДЕРЖАНІЕ.

**I. Высочайшія повѣленія. — Высочайшія награды. — Рас-
поряженія Епархіальнаго Начальства. — Извѣстія. — Объя-
вленія. — II. Поученія предъ общеніемъ святыхъ Таинъ.
Въ субботу 4-й недѣли великаго поста. — Автобіографія
Игуменія Серафима. — Объявленія.**

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей **В. Дѣтскій.**
Орель. Типографія **В. П. Матвѣева**, бывш. Кн. Оболенскаго.

Дозв. Цензурою. Орель. Іюня 15-го дня 1891 г.

ЕПАРХІА

1-го

ОТД

Объ от
соблюденія
вѣтъ, въ со
духовныхъ
смотрѣль пр
отвѣтственн
церковныхъ
натора Ма
Дополн
второго У
209¹ слѣду
„За по
щихъ христ